

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

10

Детской

■ 2015 (196)

6+

ИМЕНА:

Александр Блок

ЖИВОЙ УГОЛОК:

Листопадничек

**Золотой
Кувшин**
Сказки народов России

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник С. Крестовский

Максимилиан Волошин

Осень... осень... Весь Париж...

Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.
В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.
Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.
Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

Н. Гончарова
Цветы. Фрагмент
1906 г.

В номере:

3

Золотой кувшин

Сказки народов России

15

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Вологда

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Ольга Ионайтис: «Детская книга без художника — как книга без солнышка...»

21

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы

22

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«И вижу берег очарованный...»

25

РАССКАЗЫ

Наталья Лопачёва

Радость Царица

28

ЖИВОЙ УГОЛОК

Иван Соколов-Микитов

Листопадничек

31

ЛИЦЕЙ

Владимир Волков

Тогда, после войны

32

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Бить в набат

33

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Безотосная

Сказка о скрипке

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоведение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 4496

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Золотой кубшин

СКАЗКИ НАРОДОВ РОССИИ

Художник Н. Буканова

Перя-богатырь

МОРДОВСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

В стародавнее время жил, говорят, на речке Лупье, что впадает в Каму, невиданный силач по имени Перя. Жил он охотой, охотился с луком и стрелами. Из лука он птицу бил, а на крупного зверя ходил с копьём. Увидит след лося, оленя или медведя и — бегом по следу. Быстро догоняет, копьём пронзает. Была у него в лесу избушка, только Перя в ней спать не любил: душно. И летом и зимой спал возле избушки на вольном воздухе у костра.

Люди уважали Перя-богатыря, любили его.

В то время много леших жило в наших лесах. Разные были лешие. Возле одной деревни очень лютый леший завёлся, всем в деревне досаждал, охотиться не давал, скотину воровал. Люди его и так и этак ублажали, угощали. Пирог с рыбой испекут, куриных яиц наварят, отнесут всё это в лес, на пенёк положат, крикнут:

— Ешь, ворса (леший), угощайся, только нас не трогай!

Даже собак для него резали. Лешие очень любят собачье мясо. Так этот леший все гостинцы съедал, а не унимался, продолжал людям вредить. Что де-

лать? Решили позвать на помощь Перю-богатыря. Рассказали о проделках лешего. Перя рассердился, взял своё оружие, встал на лыжи и пошёл в тот лес, где леший хозяйничал. Начал искать его тропу. К вечеру нашёл, развёл костерок, сел. Проходят охотники, говорят:

— Где ты сидишь? Ведь это тропа лешего. Он за это никого не прощает и тебе спуску не даст.

— Его-то мне и надо, — усмехается Перя.

К ночи пришёл леший — огромный, голова выше леса.

— Ты что это на мою тропу пришёл, жалкий человек? Может, силой хочешь помериться?

Встал Перя во весь свой огромный рост.

— Да, хочу помериться.

Увидел леший, какой перед ним богатырь, и решил хитростью Перю одолеть.

— Давай, — говорит, — сейчас спать ляжем, а утром будем силами мериться.

— Что ж, давай, — соглашается Перя.

Они срубили две сосны, сделали для ночёвки нодью (костёр). Леший лёг по одну сторону нодьи, Перя — по другую.

— Как ты спишь? — спрашивает леший.

— Я сплю неслышно и неподвижно, как бревно, — говорит Перя. — А ты как спишь?

— А я, когда сплю, так храплю, что хвоя надо мной осыпается, а из носа летят искры, — отвечает леший.

Перя затих. Вскоре леший захрапел так, что посыпалась хвоя. Перя встал, посмотрел на него через костёр. Верно: из носа лешего летят искры. Значит, спит. Перя положил на своё место толстое бревно и прикрыл своей одеждой, а сам спрятался за могучей сосной. В полночь леший проснулся, встал, глянул через костёр и говорит:

— Он и вправду спит, как бревно.

Взял леший своё копьё и положил остриё в огонь, а когда оно раскалилось докрасна, схватил копьё, прыгнул через костёр и вонзил копьё в бревно, укрытое одеждой. С трудом пошло копьё в сырое бревно, всей грудью леший на него налёг.

— Ох и крепкий ты был богатырь! — сказал он. — Но и тебе пришёл конец.

Тут вышел Перя из-за сосны, натянул свой тугой лук.

— Стой, злодей ворса! Ты хотел меня спящего убить, раскалённым копьём пронзить, и за это тебе не будет пощады!

Что делать лешему? Копьё увязло в бревне. Стоит безоружный.

— Пощади меня, — говорит. — Я не буду больше людям вредить.

— Не верю я тебе, — отвечает Перя. — Ты сейчас показал, каков ты есть, показал свою чёрную душу.

Перя пустил стрелу в грудь лешего. Убил злодея. Пришёл в деревню, говорит людям:

— Теперь можете спокойно жить, без страха лесовать (охотиться).

А в другой раз пришли к Пере гонцы от самого князя. Напала на княжеский город степная орда, бьёт княжеское войско, нет сил устоять. Вражий богатырь ездит в огромном железном колесе, давит княжеских воинов, и некому с тем богатырём сразиться. Приди, мол, Перя-богатырь, встань на защиту нашей земли.

Перя согласился. Гонцы говорят:

— Отвезём тебя к месту битвы за две недели.

— Не надо, — говорит Перя. — Я пешком за два дня доберусь.

Встал Перя на лыжи. Пришёл к полю боя за два дня, видит: идёт сражение — ездит вражий богатырь в огромном железном колесе и давит им людей. Перя схватил колесо двумя руками, приподнял да шмякнул оземь. Ни богаты-

ря, ни колеса не стало. Вражье войско увидело победу нашего богатыря и побежало назад.

Князь пригласил Перю к себе на великий пир. Три дня пировали. Перя домой собирается. Князь спрашивает:

— Что, Перя, понравилось тебе спать в княжеских покоях?

— Нет, — отвечает богатырь, — не понравилось. В твоих покоях духота да блохи, а я привык спать в лесу возле ноды, на вольной воле.

— Ты врага разбил, — говорит князь, — проси за службу что хочешь.

— Ничего мне не надо, — говорит Перя. — Одно лишь надо — свободно жить и лесовать в моих родных местах по речке Лупье.

Князь подарил Пере грамоту на владение теми лесами, а ещё подарил шёлковую сеть — куниц ловить.

Вернулся Перя домой и зажил, как прежде, мирно и спокойно. Лесовал в своих огромных владениях, никто ему не мешал.

Вот каким был наш Перя-богатырь.

Все у нас знают Перю, все о нём рассказывают, все его любят.

Две мыши

АБХАЗСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Однажды домашняя мышь где-то повстречалась с лесной мышью. Поздоровались они, познакомились. Домашняя мышь спросила лесную, как она поживает и чем кормится.

— У меня всего вдоволь, — ответила лесная мышь. — У нас в лесу пищи сколько хочешь, только собирай! Живу я в дупле. А под корнями я себе вырыла кладовую и храню в ней припасы на зиму.

— Скромненько ты живёшь, как я погляжу! — сказала ей домашняя мышь. — Заботы и работы, видно, у тебя порядочно. То-то ты такая худая. А я живу в городе и владею всеми домами, всеми магазинами и складами. Живу я

на всем готовом и никогда ни о чём не беспокоюсь. Но я не прочь посмотреть твоё жильё и заглянуть в твою кладовую.

И вот лесная мышь повела к себе городскую. Она показала ей свои запасы — орехи, каштаны, желуди, корни — и радушно угощала гостью.

— Всё это недурно, — сказала ей городская мышь, — но тебе приходится всегда поститься. А вот я угощу тебя балыком, сыром, ветчиной! Пойдём ко мне в город!

Хвастливость городской мыши обидела лесную, но что она могла возразить своей новой чванливой знакомой? Отправилась она посмотреть, как живет городская мышь.

Пришли они в город и пробрались в тот дом, где жила городская мышь. Тут она заносчиво объяснила гостье:

— У меня две квартиры: зимняя — под полом, где тепло и уютно. А летняя — на чердаке: там очень просторно и к потолку подвешены баранина, ветчина и сало. Кроме того, в моём владении все буфеты и сундуки. Я могу есть до отвала и распоряжаться хозяйским платьем. И ковров у меня сколько угодно. А ты, небось, бегаешь только по сухой листве да моховым кочкам...

Сказала всё это городская мышь для того, чтобы показать своей гостье, какая та бедная и ничтожная.

— Зато у нас в лесу так хорошо поют птички! — пробовала хотя бы чем-нибудь похвалиться лесная мышь.

— Что птички! У нас здесь музыканты так играют, что с ними не сравниться и всем твоим птичкам! — гордо сказала городская мышь и повела свою лесную гостью на чердак.

Здесь она угостила лесную мышь сушёным инжиром, сыром и салом и смело лазила всюду.

Гостья, смущённая таким обилием пищи, скромно откусывала по кусочку от всех этих богатых яств.

— Ну, теперь пойдём, я тебе покажу, где живут люди, которые всё это для меня заготавливают, — сказала городская мышь и повела гостью по перекладинам чердака. Отсюда они стали смотреть в щель.

У очага сидела кошка. Лесная мышь никогда не видела кошки и стала спрашивать спутницу, что это за зверь.

Домашняя мышь тут же подумала: «Погублю эту простушку, завладею её добром и буду жить, когда пожелаю, в лесу, как на даче».

— Это моя старушка-мать греется у очага, — ответила она.

— Мне нужно с ней поздороваться, — сказала лесная мышь. — Только я не знаю, как принято у вас приветствовать старших.

— Ты скажи: «Укинчара, сикинчара, хурма-саки гуу» и прыгни к ней. Она тебя примет приветливо, — ответила городская мышь.

Лесная мышь прыгнула на пол и очутилась около кошки, почтительно ей поклонилась и произнесла приветствие:

— Укинчара, сикинчара, хурма-саки гуу!

Кошка с удивлением уставилась на неё. А домашнюю мышь разобрал смех. Она вся тряслась от смеха, вертелась и приплясывала на балке в восторге от своей злой затеи. Балка эта была гладкая, а домашняя мышь, лагая по салу, вымазала им лапки. Она поскользнулась и свалилась прямо перед самым носом кошки. Кошка почувствовала запах сала и сразу увидела, что эта мышь жирнее лесной. Тут она пробормотала: «Гурмасти, сирмасти, маха-мадла мадлапсирири», — а затем схватила домашнюю мышь и задушила её.

А лесная мышь бросилась к двери, протиснулась под неё и едва спаслась от верной гибели.

С тех пор она дала себе зарок никогда не дружить с чванливыми, завистливыми и коварными.

Золотой кубшин

АДЫГЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

«Нельзя мне стареть, — думает царь. — Сейчас все меня боятся, никто пережить не смеет. А сделаюсь старым и дряхлым — народ сразу перестанет меня слушаться. Как я с ним тогда управлюсь?» Кто скажет, было то или не было, только верно, что жил на свете хитрый и жестокий царь.

В жизни своей ни с кем не обошёлся он по-хорошему, не было такого человека, которого бы он пожалел, не было такой собаки, которую бы он приласкал.

Все — от мала до велика — боялись царя, а сам он боялся только одного — старости.

Целыми днями сидел царь в своих покоях и рассматривал себя в зеркале.

Заметит седой волос — подкрасит краской. Заметит морщинку — разгладит рукой.

«Нельзя мне стареть, — думает царь. — Сейчас все меня боятся, никто пережить не смеет. А сделаюсь старым и дряхлым — народ сразу перестанет меня слушаться. Как я с ним тогда управлюсь?» И, чтобы никогда не вспоминать о старости, приказал царь убивать всех стариков.

Чуть только поседеет голова у человека, тут ему и конец. Царские стражники с топорами и секирами хватают его, ведут на площадь и рубят ему голову.

Со всех концов страны приходили к царю женщины и дети, юноши и девушки — все приносили царю богатые подарки, все проливали горькие слёзы, все молили царя пощадить их отцов и мужей.

Наконец надоело царю слушать каждый день жалобы. Позвал он своих гонцов и велел им по всем городам и сёлам, на всех дорогах и площадях объявить народу о своей великой милости.

Оседлали гонцы коней и разъехались в разные стороны, на всех дорогах и улицах, на всех перекрёстках и площадях трубили они в трубы и громко выкрикивали:

— Слушайте все! Слушайте все! Царь дарует вам свою милость. Кто достанет со дна озера золотой кувшин, тот спасёт жизнь своего отца, а кувшин получит в награду. Такова царская милость! А кто не сможет достать кувшин, тот и отца не спасёт и сам голову потеряет. Такова царская милость!

Не успели гонцы объехать и половину страны, как стали сходиться и съезжаться к озеру храбрые юноши.

Берег озера был обрывистый, и с высоты его, сквозь чистую, прозрачную воду, ясно виден был прекрасный золотой кувшин с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

И вот прошло девяносто девять дней.

Девяносто девять храбрецов пытали своё счастье.

Девяносто девять голов отрубил жестокий царь, потому что никто не мог достать кувшин со дна озера, — точно его заколдовал кто. Сверху посмотреть — кувшин всякому виден, а в воде — никто найти его не может.

А в то самое время, в той самой стране жил юноша по имени Аскер. Очень любил Аскер своего отца, и, когда увидел он, что отец становится стар, что на лице его появляются морщины, а волосы становятся серыми от седины, увёл Аскер отца далеко в горы, в глухое ущелье, построил там хижину и в этой хижине спрятал своего старика.

Каждый день, когда солнце уходило за горы, юноша тайком пробирался в ущелье и приносил отцу еду. Вот однажды пришёл Аскер в ущелье, сел возле отца и задумался.

— Какая забота у тебя на сердце, дитя моё? — спросил старик. — Может, наскучило тебе каждый день ходить сюда?

— Нет, отец, — ответил юноша, — чтобы видеть тебя здоровым и невредимым, я готов трижды в день ходить через эти горы. Другая забота у меня на сердце. Ни днём ни ночью не выходит у меня из головы царский кувшин. Сколько ни думаю я, никак не могу понять, почему это, когда с берега смотришь в прозрачную воду, кувшин виден так ясно, что кажется, протяни только руку — и он твой.

А стоит кому-нибудь прыгнуть в воду, вода сразу мутнеет и кувшин точно сквозь дно проваливается, словно и не было его.

Старик молча выслушал сына и задумался.

— Скажи мне, сын мой, — сказал наконец старик, — не стоит ли на берегу озера, в том месте, откуда виден кувшин, какое-нибудь дерево?

— Да, отец, — сказал юноша, — на берегу стоит большое, раскидистое дерево.

— А вспомни-ка хорошенько, — снова спросил старик, — не в тени ли дерева виден кувшин?

— Да, отец, — сказал юноша, — от дерева падает на воду широкая тень, и как раз в этой тени стоит кувшин.

— Ну, так слушай меня, сын мой, — сказал старик. — Взберись на это дерево, и ты найдёшь среди его веток царский кувшин. А тот кувшин, который виден в воде, — это только его отражение.

Быстрой стрелы помчался юноша к царю.

— Ручаюсь головой, — закричал он, — я достану твой кувшин, милостивый царь!

Засмеялся царь:

— Только твоей головы мне и не хватает для ровного счёта. Девяносто девять голов я уже отрубил — твоя будет сотой.

— Может, так, а может, и не так, — ответил юноша. — Но боюсь я, что на этот раз не сравнять тебе счёта.

— Что ж, попробуй своё счастье, — сказал царь и приказал слугам поострей наточить секиру.

А юноша пошёл к берегу и, не задумываясь, полез на дерево, которое росло над самым обрывом.

Народ, собравшийся на берегу, так и ахнул от удивления.

— Аллах да помилует его! Верно, от страха он лишился рассудка! — говорили одни.

— Может быть, он с дерева хочет прыгнуть в воду, — говорили другие.

А юноша тем временем взобрался на самую вершину и там среди ветвей нашёл золотой кувшин — с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

Только висел кувшин на дереве вверх дном, чтобы всем казалось, что стоит он в воде, как и подобает, вверх горлышком.

Снял юноша кувшин с дерева и принёс его царю.

Царь так и развёл руками:

— Ну, — говорит, — не ждал я от тебя такого ума. Неужто ты сам додумался, как достать кувшин?

— Нет, — сказал юноша, — я бы сам не додумался. Но у меня есть старик отец, которого я укрыл от твоих милостивых глаз, он-то и догадался, где спрятан кувшин. А я только послушался его совета.

Задумался царь.

— Видно, старики умнее молодых, — сказал он, — если один старик угадал то, чего не могли угадать девяносто девять юношей.

С тех самых пор в той стране никто пальцем не смеет тронуть стариков, все чтят их седины и мудрость, а когда встречаются старого человека на пути, уступают ему дорогу и низко кланяются.

Петух и павлин

КАЛМЫЦКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

В далёкие, седые времена жили соседи: петух и павлин. Красив и наряден был петух. Золотистые его перья, ослепительно блестя, переливались под солнечными лучами. Все птицы завидовали петуху. Многие из них, сидя на деревьях, жалобно пели: почему они не имеют такого красивого наряда, как у петуха? Важен и горделив был петух. Ни с кем он не разговаривал, кроме павлина. Ходил он важной походкой и также важно клевал зёрнышки.

Петух дружил с павлином. Оттого ли он был снисходителен к павлину, что наряд того был беден, оттого ли он дружил с ним, что были близкими соседями, — не знаю, но жили они дружно.

Однажды павлин собрался в далёкие края в гости. Грустен был павлин, что наряд его слишком беден. С завистью он смотрел на петуха и думал: «Каким бы я был счастливецом, если бы имел такой красивый наряд, как у петуха. Что у меня есть? Кроме жалких перьев, ничего. Разве я могу появиться в чужом

краю в таком убогом виде! Нет, мне стыдно показаться в таком виде чужим. Почему не обратиться к петуху? Лучше я попрошу у него его наряд. Неужели он откажет мне?»

И обратился павлин к петуху с этой просьбой, обещая вернуться к следующему утру.

Подумал петух и говорит:

— Что же я буду делать, если ты завтра к рассвету не явишься?

Павлин ответил:

— Если я не приду к рассвету, то ты кричи, на твой зов я обязательно явлюсь. Но если меня не будет утром, то кричи в полдень, а если и в полдень не явлюсь, то кричи вечером. К вечеру, конечно, я буду.

Поверил петух павлину, снял свой красивый наряд и отдал ему, а сам оделся в перья павлина. В красивом наряде петуха стал павлин самой красивой птицей. Радостный и гордый, он отправился в далёкие края.

Прошёл день. Прошла ночь. Ждёт петух павлина. Но павлина нет. Стал беспокоиться петух. Не выдержал петух, закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

И ещё раз, ещё раз, но павлина нет. Опечалился петух. Ждёт, когда наступит полдень. Настал полдень. Опять кричит петух. Нет павлина. Ждёт вечера. Настал вечер. Опять кричит петух, зовёт павлина, но павлина след простыл.

Так и пропал павлин, а вместе с ним и красивый наряд петуха.

С тех пор петухи каждый день три раза — утром, в полдень и вечером — зовут павлина, который унёс их прежний красивый наряд.

Как ворон и сова друг друга покрасили

ЭСКИМОССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Давно это было. Дружно жили ворон и сова — вместе добывали пищу, делили всё поровну, нужды не знали. Долго они прожили, состарились и стали от седины белее снега.

Вот однажды сова и говорит ворону:

— Совсем мы с тобой постарели, а красивыми так никогда и не были. У всех птиц пёстрые наряды — красные, чёрные, серые, а нас с тобой только коротким летом и видно.

— И то правда, — сказал ворон, — не видно нас, когда мы на снегу сидим.

— А давай разукрасим друг друга, — предложила сова. — Сначала ты меня, а потом я тебя.

Согласился ворон. Взял он чёрный жировой нагар от светильника, выдернул из своего хвоста перо и велел сове приготовиться. Села сова на камень, и ворон осторожно стал её раскрашивать. Ходит вокруг камня и рисует на каждом пёрышке красивые чёрные пятна. Раскрашивает ворон сову, а сам думает: «Постараюсь её красавицей сделать. Увидит она мою работу и меня тоже красавцем сделает».

Долго ворон старался. Надоело сове сидеть, думает: «Замучил меня ворон. Вот придёт его очередь, так я его вмиг раскрашу».

Наконец закончил ворон работу и говорит:

— Смотри, какой красивой я тебя сделал! Теперь подсохни на ветру и меня покрась!

Подсохла сова на ветру и велела ворону приготовиться. Ворон сел на камень, а сова говорит: .

— Нет, садись рядом с камнем. Я по-другому тебя красить буду. Закрой глаза, а откроешь, когда я скажу!

Сел ворон у камня, глаза зажмурил, ждёт. А сова тем временем взяла светильник с чёрным жировым нагаром, взгромоздилась на камень и облила ворона с головы до хвоста. В один миг почернел ворон.

— Теперь, — говорит сова, — подсохни на ветру, а потом открой глаза и посмотри на себя. Хотя я и быстро тебя покрасила, но теперь и зимой, и летом всякий тебя заметит!

Подсох на ветру ворон, открыл глаза и закричал:

— Что ты наделала! Ты сделала меня чёрным! Теперь каждый зайчишка, каждая мышка издали увидят меня! Как же я буду добывать себе пищу? Ты сделала меня заметным!

Сова сказала:

— Сам же хотел быть красавцем! Совсем рассердился ворон:

— Я так старался тебя разрисовать! Ты теперь красавица! А меня ты сделала чёрным! И дети мои будут чёрными! Уходи отсюда, сова, уходи!

Испугалась сова. Улетела подальше от ворона.

С тех пор ворон стал чёрным, а сова — пёстрой. И старается сова не встречаться с вороном — боится его.

Как ласка осталась без хвоста ЯКУТСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Когда-то у ласки был длинный и пушистый хвост. Ничем не хуже, чем у горностая. Она ведь и по роду-племени — родная сестра горностаю, и такая же шустрая, ловкая и быстрая. Недаром про неё говорят: на макушке кола девять раз повернётся.

А ещё ласка ужасно любопытная: до всего ей дело, всё ей надо понюхать и потрогать. Немудрено, что, бегая и прыгая по лесу, заглядывая под каждый кустик да в каждую норку, ласка как-то угодила в охотничий капкан.

Зажало ей капканом хвост — ни туда ни сюда. Что делать? А вот уже, слышно, и сам охотник идёт, валежник под ногами трещит, ветки рядом колышутся. Дёрнулась ласка — больно. И ничего не оставалось ей, как пойти на хитрость и притвориться мёртвой.

Охотник разрядил капкан, отложил добычу в сторонку и начал снова налаживать ловушку. Ласка тем временем — прыг, скок! — и бежать. Однако охотник попался опытный, бывалый: не успела ласка до ближнего дерева добе-

жать — он ей ногой на хвост наступил. Дёрнулась ласка изо всех своих сил — хвост на том месте, где его капканом защемило, и оторвался. С тех пор он у неё такой короткий.

Рыжая лошадь

ЦЫГАНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Поехал как-то раз цыган на ярмарку. Поменял коней удачно, много денег выручил, да и лошадь хорошую взамен взял. Накупил цыган полно еды всякой, одежды и домой отправился. Едет и радуется: «Довольна будет жена, детишки обрадуются. Сыты будут и одеты».

Застала цыгана в дороге ночь. Остановился он. Костерок разжёл, принялся мясо жарить да чай варить. Только собрался поесть, как вдруг из лесу старичок выходит и прямо к нему:

— Здравствуй, добрый человек, что ты здесь делаешь?

— Так, мол, и так, домой еду с ярмарки. Переночую только и дальше подамся. Смотри, сколько еды жене да детишкам везу!

— Ай, добрый человек, ты уж пожалей старика, долго я хожу по лесу, проголодался, устал, ботинки мои поизносились, да одежка пооборвалась. Дай у твоего костра посижу, погреюсь да поем, что ты дашь.

— Угощайся, мне не жалко.

Начал цыган старика угощать. А старик всё ест да ест, ест да ест и всё цыгана просит:

— Не пожалей для старика куска хлеба.

Так всю еду и съел, что цыган на ярмарке купил.

Вытер усы и говорит:

— Миленький мой, а не дашь ли ты мне что-нибудь из одёжки? Видишь, на кого я стал похож?

Пожалел цыган старика, стал ему одежду протягивать, а тот всё надевает да надевает, надевает да надевает.

Так всю одежду на себя и напялил, что цыган на ярмарке для семьи своей купил. А потом и говорит:

— Ну спасибо тебе, цыган, за то, что не пожалел для меня ничего. За доброту твою я тебя не забуду.

Сказал старик эти слова и словно растворился.

Наутро просыпается цыган и видит, что нечего ему домой везти: ни еды нет, ни одёжки.

Понурил голову цыган, а делать нечего: надо домой возвращаться. Запряг цыган коня и поехал. Едет он по дороге и видит: прямо поперёк пути рыжая лошадь встала, шерсть у неё огнём золотым горит, глаза сверкают. Стоит она и не даёт проехать. Хлестал цыган своего коня, хлестал, а тот встал как вкопанный, не хочет везти телегу, и всё тут. Рассердился цыган, схватил свой кнут, спрыгнул с телеги и бегом к рыжей лошади. Подбежал и со всего плеча как хлестнёт её. Глядь, а она рассыпалась. Посмотрел на землю цыган, а вместо рыжей лошади куча монет золотых лежит. Обрадовался цыган, понял он, что это старик-лесовик его отблагодарил за то, что не пожалел последнего куска хлеба для него.

Олег Трушин
Фото автора

УГОЛОК
РОССИИ

Вологда

Где она, Вологда? Всяк, открывший карту, непременно найдёт этот город на добром удалении от Москвы. Да!

Полтысячи вёрст — это уже приличное расстояние.

О Вологде знаем, что она старше Москвы и что это город контрастов. А ещё то, что вологодский говорок на «о» на все сто выдает коренных жителей этой российской глубинки. Мне думается, что имя этому северному городу непременно дала река Вологда, что, протекая по городу, делит его на две части. Не широкая и не узкая. В меру полноводная так, что даёт возможность ходить по ней речным судам.

Ведёт река Вологда своё русло вольготно, извиваясь змейкой у самой Соборной горки. Хотя и полноводная река, да вот старожилы отмечают, что всё же от года к году спадает вода в реке, а уж что дальше будет, время покажет.

Когда-то река являлась городским порубежьем — границей, значит, — окаймляя вместе с рекой Золотухой старую часть города. С годами город разросся, и сам накрепко взял реку в объятия, разделив себя на три части. Вот и полу-

чилося как в далёкую старину — заречье да два посада — верхний и нижний.

Хотя и славится город Вологда своим речным вокзалом, даже отметившимся в известном кинофильме «Целуются зори», снятому по одноименному произведению замечательного русского писателя Василия Ивановича Белова, но главный тут всё же вокзал железнодорожный, от которого словно веером открываются пути во все уголки города. По-провинциальному уютный, с низкими железнодорожными платформами, он и есть «ключ» к городу.

Что самое интересное в Вологде? Скажу так! Зримая связь прошлого и настоящего в городской архитектуре. Даже в новой, современной, части города непременно встретится вам старенький домишко каменной, а может, и деревянной постройки, простоявший тут с той поры, когда вся улица была сплошь из подобных домов. Конечно, новые городские кварталы наступают, тесня добрую старину, но и ей в городе отведено особое, почётное место.

Улицы старой Вологды словно и сами вязью выписа-

ны — не сразу их направление угадаешь. Тянутся они, «хватаясь» друг за друга, к центру города, к Соборной горке, где белокаменным столпом поднялся ввысь Софийский собор, заложенный ещё самим Иваном Грозным как Успенский и уже выстроенный таковым после смерти грозного самодержца. Скажу, что уж очень похож Софийский собор Вологды на Успенский собор в Москве.

Софийский собор — легенда и символ Вологды. Все, кто впервые приезжает в город, спешат на соборку взглянуть на величественное творение зодчих Средневековья. И такое желание весьма оправданно!

Стоит Софийский собор в окружении других храмов — Воскресенского и Александра Невского — и среди них богатырём смотрится.

Вообще храмов в Вологде много. Они тут и как память о старине, и как изящное убранство города.

Вологодский Софийский собор величав и могуществен. Серебро куполов ловит самые малейшие оттенки света. При ясной погоде купола белеватые с металлическим отливом, а в хмурый день держат на

Памятник К. Батюшкову

себе серость туч. На рассвете и исходе дня играют купола красками зорь, что спадают яркими прядями красок на белоснежное одеяние храма.

Исвеча колокольни Софийского собора с просторной звонницей и часами-курантами — есть яркое дополнение Соборной горки.

Пусть и не богат Вологодский кремль на архитектурные памятники старины, но и то, что есть, глаз радует. Впрочем, кремлём-то соборную горку сами вологжане называли, уж больно весь этот комплекс на кремль походит. В сущности, это архиерейское подворье.

Чез арку Водяных ворот, выстроенных в XVII веке, один за другим проходят посетители кремля. Чисто и уютно на территории кремля. Ровные тропинки разбегаются в разные стороны. Тени от старых лип ложатся на ровные зелёные лужайки. Нет в Вологодском кремле архитектурной нагромождённости. Всё по делу! Вот рубленый одноэтажный дом. Пусть и новодел, но и у него тут свой явный смысл присутствия — показать красоту деревянного зодчества среди каменных строений. Расписные кружева наличников, накладные узорные доски на карнизах и поветке, присутствие всевоз-

можных завитушек на углах. Даже колпак на трубе и тот словно теремок.

Искусство узорной резьбы по дереву — особая вологодская гордость. Уж больно она тут замысловата и вычурна. Из глубокой старины идёт такое умение вологодских мастеров. Когда-то мастер-краснодеревщик усердствовал над такой красотой не одну зиму — мало выполнить узор, нужно ещё и материал, доску сходную подобрать. Обычно в это дело пускали липу, но, бывало, и осинку приспособляли. Чем ближе к северу, тем спокойнее становится вязь на наличниках, сдержаннее кружева.

На Соборной площади кремля можно приметить не один такой дом с национальной вологодской вязью. Погуляв по скверу, вы непременно увидите уникальную резьбу на доме, что значится как памятник зодчества XIX века. Взгляда не оторвать от такой красоты! Слово не дом, а кружевное облако!

На Соборной горке установлен памятник воину поэту Батюшкову — вологжанину, пушкинскому кумиру. В Вологде поэт жил и умер. Вот благодарные потомки руками известного российского скульптора Вячеслава Клыкова и установили прославленному земляку па-

Памятник Н. Рубцову

мятник. Мало кто из прогуливающихся по площади не останавливается у памятника. Кто попроворней, «дернут» за штанину Батюшкова или «потерпят» коня за хвост. Памятник абсолютно доступен!

Прохаживаясь по городу, непременно пройдитесь по Каменному мосту — самой маленькой вологодской улице. Каменный мост связал лишь два берега реки Золотухи. А сама река Золотуха — это городской ров времён Ивана Грозного.

Храмы, старинные вековые особняки, спокойные тихие улицы, словно сошедшие с картин художников-передвижников. Шум с больших оживлённых улиц проникает сюда дальним эхом, и тотчас растекается по улочкам, бесследно пропадая. Именно сюда идут прогуляться вологжане, спасаясь от шумного городского потока и суеты. Современная, громоздкая Вологда, несомненно, наступает на старую её часть.

Побывать в Вологде — значит ступить одним шагом на северную сторонку. Хоть и не такой уж и север Вологодчина, а всё же ближе, чем Москва, к студеному морю. Оттого-то Вологодчина и родина российского Деда Мороза, а значит, в душе у нас эта русская сторонка с самого детства.

Детская книга без художника —
как книга без солнышка...

Ольга ИОНАЙТИС

Рисунки Ольги Ромуальдовны Ионайтис хочется называть «волшебными». Феи, цветы, птицы, девочки с локонами... Эти рисунки хочется разглядывать долго-долго, с удивлением и радостью обнаруживая неожиданно какой-нибудь глазастый грибочек или пчелу с весёлым личиком. Стоит ли говорить, что Ольга — одна из любимейших художников журнала «Детская Романгазета». Её рисунки впитали всё лучшее из традиционной советской школы книжного оформления, но Ольга и очень современна. «Детская книга без художника — такой же абсурд, как костёр без огня или лето без солнышка», — сказала о работах Ольги Ионайтис известная писательница Ирина Токмакова. Как же это верно! Олины

рисунки именно то солнышко, которое освещает всю книгу.

Ольга Ионайтис родилась в подмосковном городе Мытищи. И уже с детства твёрдо решила стать художником. В 1980-м окончила Мытищинскую художественную школу. В 1987-м — Московский полиграфический институт.

«Думаю, художник, любой, учится всю жизнь. Сначала у преподавателей в художественной школе и институте, потом у старших товарищей, потом у коллег и друзей, и даже у своих учеников, когда начинает преподавать сам.

Мне очень повезло, потому что мой главный учитель — замечательный художник Наталия Ярош — стала моей близкой подругой, и для меня до сих пор ничья похвала так не ценна, как её одобрение. А его заслужить, ох, не просто! У Наташи безупречный вкус, и она сразу видит все недочёты. Зато как приятно, когда она говорит: «Хорошо!» Значит, книга и вправду удалась.

Кроме того, судьба подарила уникальную возможность общаться с признанными мастерами книжной иллюстрации:

В. П. Пановым, Л. А. Токмаковым, Н. Г. Гольц, Н. А. Устиновым, учиться у них не только композиции или технике, но и подходу к работе, преданности и ответственности. Ведь художник, рисующий для детей, так же не имеет права на

ошибку, как и учителя начальной школы, мы вместе формируем личность маленького человека.

Есть ещё в жизни каждого книжного художника очень важные люди, благодаря которым можно многому научиться – художественные ре-

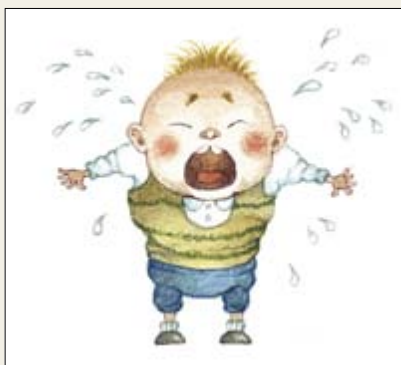
дктора. И здесь, я считаю, мне тоже повезло. Юрий Леонидович Коннов («Детская Роман-газета»), Татьяна Федоровна Погудина («Детская Роман-газета»), Михаил Салтыков («Малыш»), Наталья Федорова («Малыш»), Марина Панкова («Росмэн»), Наталия Тихонова (ПИАРТ), Владимир Тимофеевич Чапля («Белый город»), Наталия Шутюк («Лабиринт») – без них я до сих пор рисовала бы бесконечных «красных шапочек». Особенно благодарна я Юрию Леонидовичу, потому что он всё время заставлял меня расти. Я получала текст, замирала от ужаса и говорила: «Я это никогда не нарисую!» И слышала в ответ: «А вы попробуйте, Оля... Я думаю, получится».

Обмануть его доверие казалось мне кощунством...

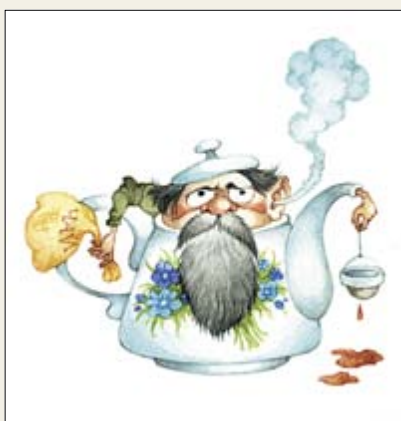
Вообще работа в детском журнале имеет для любого художника огромное воспитательное значение. Молодёжь тянется за мэтрами, признанные мастера стараются соответствовать своему уровню.. и в результате получается своего рода школа мастерства».

Первая авторская работа Ольги — «Книжка про котов» — вышла в 1987 году.

В 1992-м появились сразу три её авторские книги: «Прогулки по Москве: Кремль», «Прогулки по Москве: Китай-город» и «Русские суеверия». В 1993 году началось сотрудничество художницы с издательством

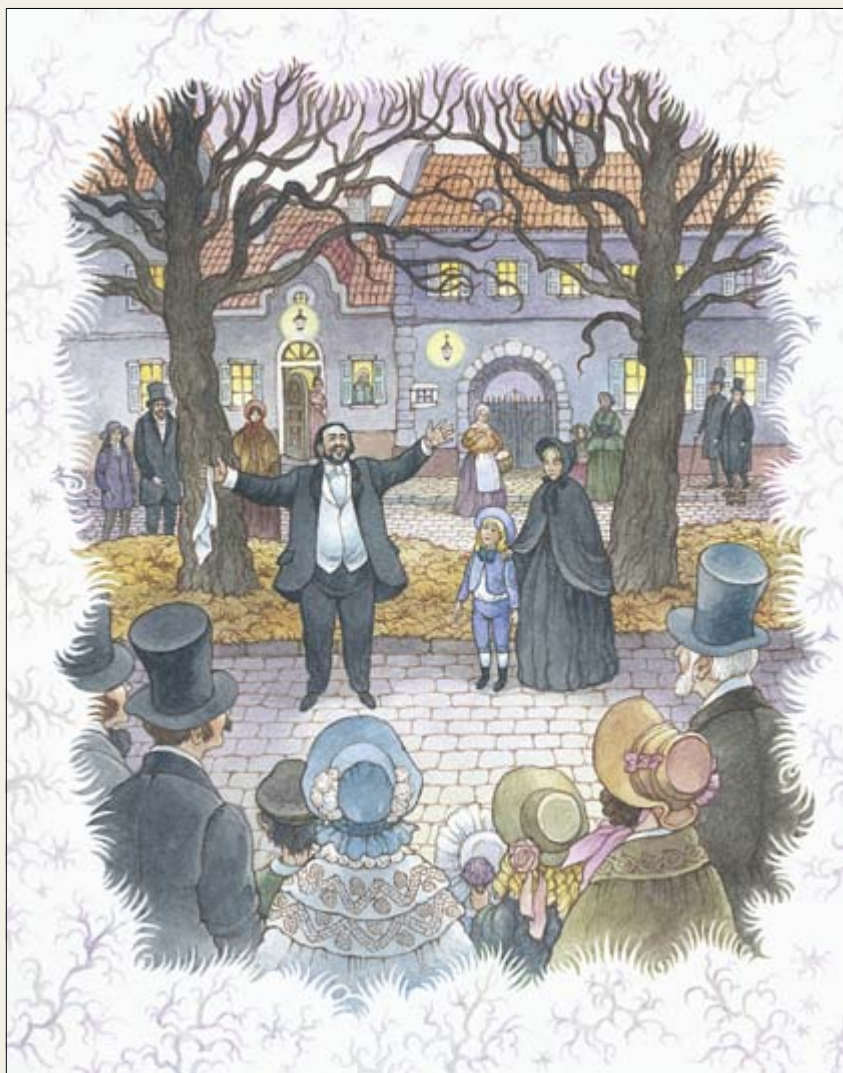
«Малыш», где в 1994-м с её иллюстрациями вышла книжка Отфрида Пройслера «Маленькое привидение».

С 1996 года Ольга Ионайтис — член Московского союза художников.

В разное время сотрудничала с издательствами: «Малыш», «Росмэн», «Лабиринт», «Детская литература», «Махаон», «ЭКС-МО», «Олма-пресс», «Белый город», «Оникс» и многими другими. Постоянно работает для журнала «Детская Роман-газета».

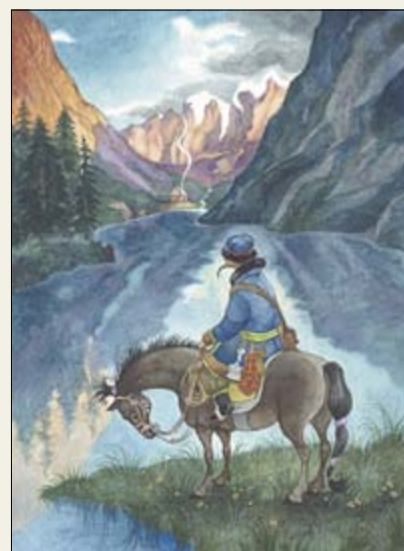
В 2010 году книга Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (изд. «Росмэн») с иллюстрациями Ольги Ионайтис была номинирована АСКИ на звание «Лучшая книга для детей и юношества».

В 2014 году книга Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» также была лауреатом АСКИ в номинации «Лучшая книга для детей и юношества», в том же году книга А. Франса «Пчёлка» (изд. «Росмэн») была удостоена специальной премии РГДБ как особохудожественное издание.

В ноябре 2015 года Ольга Ионайтис отмечает юбилей. Она такая молодая

и красивая, наша любимая Олечка! И очень талантливая. У неё много планов на будущее и есть силы для их осуществления. Ну, а мы — поклонники её таланта — с нетерпением ждём новых работ.

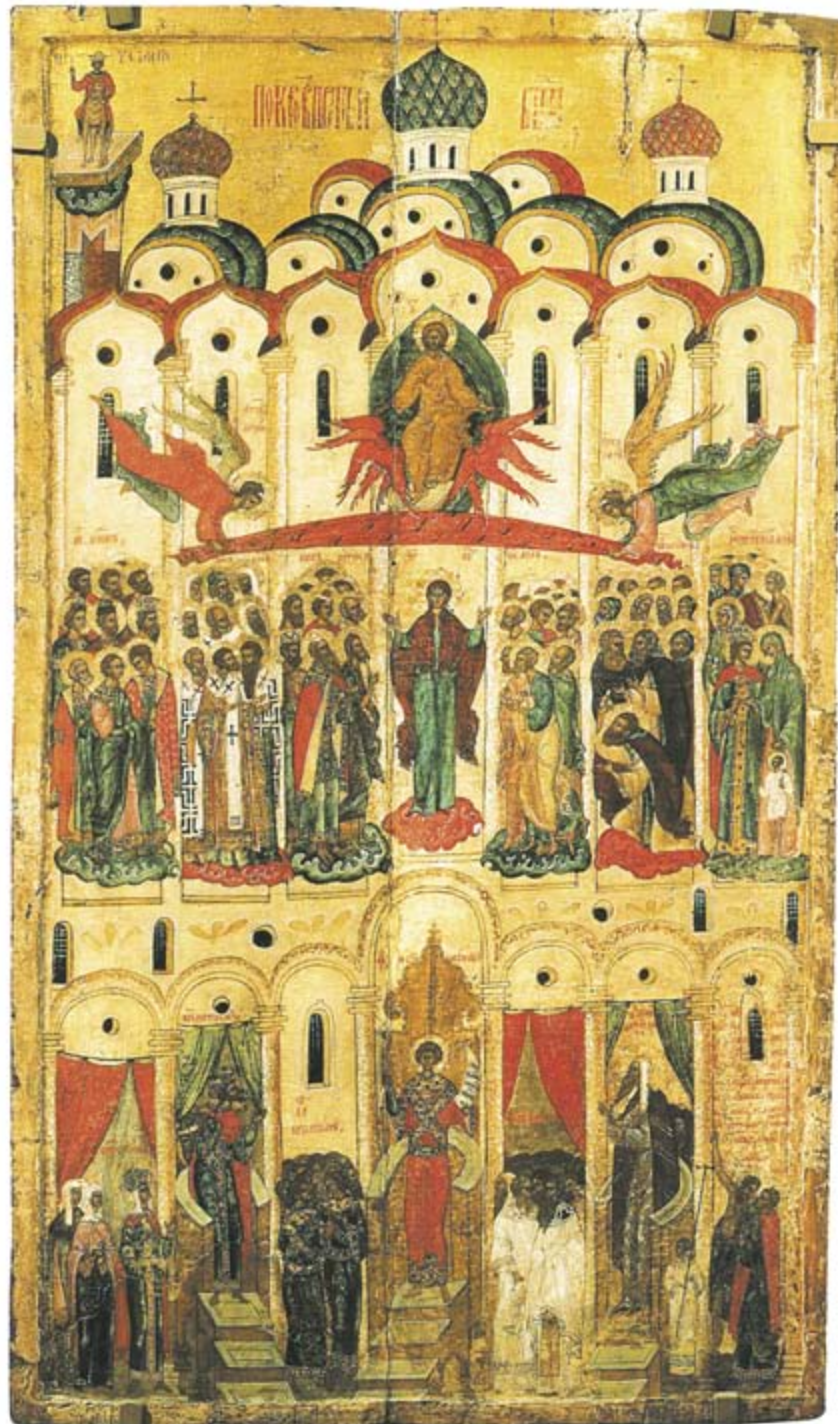

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы очень почитается на Руси. По преданию, начало празднику положило событие, которое произошло 14 октября (нов. ст.) 910 года в Константинополе, во Влахернском храме, где хранились риза Пресвятой Богородицы, головной покров и пояс. В то время Константинополь был осаждён сарацинами.

Жители Константинополя, возложив упование на Пресвятую Богородицу, собрались во Влахернском храме и молились Царице Небесной и Спасителю. Во время всеобщей молитвы святой Андрей, Христа ради юродивый, увидел над молящимися Пресвятую Богородицу в окружении ангелов. Святой пророк Иоанн Предтеча и апостол Иоанн Богослов сопровождали Царицу Небесную.

Пресвятая Богородица распростёрла Свой покров над всеми людьми в храме. Покров в Её руках сиял ярче солнечных лучей, а Пресвятая Дева молилась об избавлении христиан от вражеского нашествия. Ученик святого Андрея, блаженный Епифаний, также удостоился увидеть Божию Матерь, спасающую православных христиан под Своим омофором. По отшествии Пресвятой Богородицы Её покров стал невидимым, но благодать осталась с христианами. Заступничеством Божией Матери

Покров. Середина XVI века. Новгород

город был спасён, и враги отступили.

Пречистая Божия Матерь всегда простирает Свой молитвенный покров над всеми православными христианами и умоляет Сына Своего Господа Иису-

са Христа о даровании нам вечного спасения.

На Руси первый храм в честь Покрова Божией Матери был построен на Нерли святым князем Андреем Боголюбским в 1165 году.

«И вижу берег»

Александр Блок просто не мог не стать поэтом. И посудите: проучившись три года на юриста, он резко меняет «курс» и переходит на историко-филологический факультет Петербургского университета. Заметим, что именно с Северной столицей связана молодость Блока, а это уже — судьба. Оставалось только всем творчеством подтвердить это. А не мог не стать поэтом потому, что замес его родословной оказался настолько внушительен и своеобразен даже для дворянской семьи, что фактически предопределил будущее поэта-романтика, одного из самых ярких в Серебряном веке русской литературы. Да вот, если коротко: родился он в доме своего деда, Андрея Николаевича Бекетова, профессора-

энциклопедиста; прабабушке, Александре Николаевне Карелиной, посвящал стихи Антон Дельвиг. Поэтессой и переводчицей была Александра Андреевна Блок, мать поэта. Личность его отца, Александра Львовича, его романтическая внешность и загадочность, любовь к музыке, отмеченной драматизмом, — привлекали внимание творческих людей, в том числе таких, как Фёдор Достоевский...

А воспитание юного Саши проходило среди холмистой и в высшей степени поэтичной подмосковной земли, в усадьбе Шахматово, где он после развода родителей рос в основном под женским влиянием. Отсюда и вполне понятные фантазии рано проснувшегося в нём поэта. Образ Прекрас-

ной Дамы уже тогда вошёл в его сознание, чтобы не уходить уже из души никогда. И тут не отделить одно от другого: романтизм Блока нельзя представить без высокого образа Женщины, а образ этот был бы невозможен без возвышенного отношения к жизни.

Как немного здесь земного, и как много вселенского, звёздного, что и составляет суть романтики. Зато уж если земное — так настезь, навывлет, на разрыв! И тут же — «Страшный мир!»...

Вся судьба Александра Александровича — это борьба со «страшным миром», тем, что губит всё высокое, светлое, вечное, что разлучает с Прекрасной Дамой, с мечтами об иной жизни, со страстью к предмету любви. И потому его лирика полна истинного драматизма и накала всех чувств, даже если это счастливая любовь.

Его первой привязанностью была Ксения Садовская, женщина гораздо старше его, однако любившая Александра всю жизнь. Об этом говорят письма, найденные в Одессе после её смерти. В этой любви впервые пересеклись земная и небесная линии, на стыке которых зрела и набирала высоту лирика Поэта. А за два года до окончания девятнадцатого века в судьбу Блока вошла главная женщина его жизни — Любовь Дмитриевна Менделеева, дочь великого учёного, которая на годы стала для Поэта той

очарованный»...

Александр Блок в детстве. 1883 г.

А. А. Блок и А. Л. Блок. Родители Блока

Прекрасной Дамой, что ждало и его сердце, и его вдохновение... Но жизнь, и нагнавшие потрясения семнадцатого года, и то, что последовало за ними, всё дальше разводили этих людей духовно, и, когда Блок понял своё крайнее одиночество рядом с двумя, казалось бы, самыми близкими людьми (женой и матерью, не нашедших общего языка в это и без того сложное время), силы для нормальной жизни быстро стали покидать его...

Но осталась его удивительная поэзия — та самая, между земным и небесным. Его знаменитая «Незнакомка» звучит как симфония — так много сумел он сказать, так щемяще высоко выразить накопившее, поднять такие глубины, раскрыть такой свет чувства!..

*...И каждый вечер, в час
назначенный
(Иль это только снится
мне?),
Девичий стан, шелками
схваченный,
В туманном движется окне.*

*И медленно, пройдя меж
пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными
перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью
закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль...*

Очарованная даль вспыхнула снова, когда произошло знакомство Александра Блока с Волоховой Натальей Николаевной (почти по Пушкину!), актрисой Петербургского театра имени Комиссаржевской. За полмесяца он написал большой цикл стихотворений «Снежная маска». «Посвящаю их тебе, высокая женщина в чёрном, с глазами

Усадьба в Шахматово

Александр Блок и его жена Любовь Дмитриевна Менделеева

крылатыми и влюблёнными в огонь и мглу моего города». Это слова Блока.

Прошло семь лет, и вновь театр, и музыка, а в роли Кармен выступает Любовь Александровна Андреева-Дельмас. Воображение поэта легко соединило в одно — певицу и сияющую, неукротимую Кармен.

«...Я вас никогда не забуду, вас нельзя забыть...» — слова эти любящей Дельмас, как и стихи Блока, говорят сами за себя, в том числе и о том, что любовь эта была взаимной.

Но было бы ошибкой считать, что романтик Блок удачно обходил все опасные углы

этого «страшного мира». Он по-своему любил Россию и остро переживал всё, что происходило с ней у него на глазах. Его знаменитые стихи — «Россия», «На поле Куликовом», «Скифы», «Рождённые в года глухие», поэма «Двенадцать» и другие — полны искренней сыновней любви к родине, боли за несправедливость и несовершенство мира. Споры о поэме «Двенадцать» продолжаются по сей день, и не удивительно: «музыка революции», которую призывал слушать Блок, вступала в противоречие с прозой революции, и поэт не видел, да и не мог на то время увидеть выход из этой ситуации, потому и появляется в конце поэмы спасительная фигура Христа... А любимая родина — вот она:

*...Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!
Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несущу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит
и обманет, —
Не пропадёшь,
не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...*

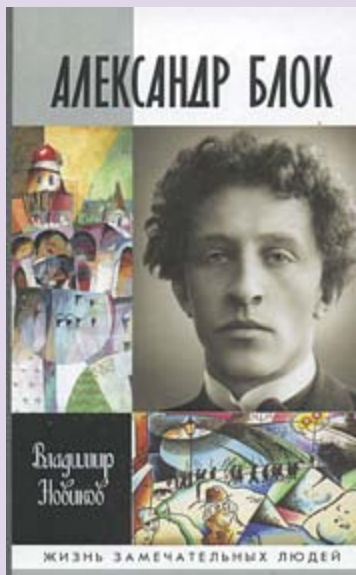
*Ну что ж? Одной заботой
боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес,
да поле,
Да плат узорный до бровей...*

Кажется, что строки эти написаны не сто лет назад, а совсем недавно... Такова волшебная сила истинной, высокой поэзии.

Видел Бог, Блок хотел быть полезным своему народу. В лютый холод он ходил читать лекции по литературе и читал, даже если в аудитории сидел единственный слушатель. Но новой власти было не до поэта, составлявшего славу России. Поэма «Двенадцать» встретила неприятие, порой резкое, некоторых писателей, мнением которых Блок дорожил. Ахматова, Бунин, Гумилёв, Пришвин — вот неполный список этих людей. Домашний тыл не согревал и не успокаивал. Страшная весть о разграблении и сожжении любимого с детства Шахматова тоже сыграла свою недобрую роль. И, наконец, ослабленный физически и морально, организм устал сопротивляться новым бедам и переживаниям. И настал этот день, 8 августа 1921 года, когда сердце одного из самых светлых и вдохновенных романтиков не выдержало тяжести земной прозы и отправилось, уже навсегда, в свой небесный приют.

*Я — не первый воин,
не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!*

«Светлая жена» — у Блока это не только образ женщины, но и России. А Россия — это мы. Поблагодарим же Бога, подарившего нам это высокое и светлое имя — Александр Блок.

Рассказы- Горошины

Радость

День рождения у бабушки был летом. Наташа очень любила свою бабушку, у которой было много детей, а ещё больше внуков. Бабушка никогда их не наказывала. Если её выводили из терпения, то она приподнималась на носках и громко называла виновника по имени. И всё. Но действовало это всегда впечатляюще, во всяком случае, на любимую внучку.

— Какой подарок подарить бабушке? — размышляла Наташа. Взрослые, конечно, купят что-нибудь нужное и полезное в магазине. А ей хотелось придумать что-нибудь особенное, интересное, чтобы удивить и порадовать бабушку. А что может быть необыкновенным летом?

И вдруг девочка вспомнила, как когда-то порадовал всех дедушка. Наташа тогда была помладше, и дело было зимой, а на Кавказе и зимы тёплые, поэтому снег здесь в диковинку. Дедушка вставал рано. Однажды он встал, как

всегда раньше всех, и увидел, что идёт снег. Дедушка собрал его со всего двора, сделал горку и залил её водой. Это был такой праздник для всей детворы! Катались все, и даже ошалевший от всеобщей кутерьмы пёс Дозор, лая не для службы, а со всеми за компанию.

Озарённая идеей, Наташа пошла к холодильнику, там всегда был лёд. Из льдинок и веточек она сделала цветок и оставила его пока в морозилке.

А вечером, когда все собрались и поздравляли именинницу, Наташа тоже подарила свой сверкающий цветок, и все восхищались её подарком. Бабушка была очень рада и весело смеялась.

И пусть её подарок потом растаял, но в памяти остался тот волшебный свет, который озарил всех — то, что и хотела девочка, — от сияющей улыбки любимой бабушки.

Царица

У девятилетней Наташи дедушка и бабушка жили на Северном Кавказе в настоящей станице, так там называются деревни, в собственном доме. И она любила бывать у них во время каникул.

Кроме дома, у них было ещё целое хозяйство с огородом и разной живностью.

Наташа охотно помогала бабушке по хозяйству.

Иногда Наташа брала книжку, маленькую скамеечку и шла с маленькими гусятами на небольшую зелёную лужайку около огорода. Гусыня почему-то отказалась водить своих малышей, а они очень любили погулять и пощипать травку.

Девочка уютно устраивалась и читала, поднимая иногда голову и поглядывая на своих питомцев. А иногда просто сидела, смотрела по сторонам, о чем-то думала.

Рядом разрослось несколько кустов чертополоха. Они отгораживали от дороги её укромный уголок. Чертополох по-другому ещё называется репейником, его цветы по-своему красивы. И эти своеобразные цветы привлекли внимание любознательной девочки. Она сорвала несколько колючих шариков и склеила их друг с другом. Получилось что-то вроде броши, которая сама держалась на одежде. Девочка увлеклась изготовлением разных украшений.

В это время по тропинке на велосипеде проезжал соседский мальчишка Витька, он увидел девочку и остановился.

— Что это ты делаешь? — спросил он.

— Украшения, — ответила Наташа.

Мальчик положил велосипед на траву, подошёл поближе и сорвал несколько шариков. Он тоже стал что-то из них делать. На плечах у него появились погоны и что-то похожее на аксельбанты.

Дети увлечённо мастерили свои поделки. Витька сделал то, что хотел, побыстрее, подбоченился и важно сказал:

— Я буду генералом.

Наташа, входя в образ, приподняла воображаемую длинную юбку, чинно наклонила голову с короной из репейника и проговорила:

— А я буду царицей. — И неосторожно добавила: — Я главнее.

Мальчишка сначала озадаченно помолчал, потом глаза его опасно сузились. Он быстро подскочил к девочке и разрушил корону, размешал колючки на её голове. Потом отскочил и со злоградской улыбкой посмотрел на неё. Девочка от неожиданности остолбенела, потом схватилась за голову, стала отди-

рать колючки. Было очень больно, и она заплакала.

Тут до Витьки дошло, что он наделал. Репьяхи мёртвой хваткой впились туда, куда попали. Было уже не до ссоры. Витька, прося прощения, стал помогать Наташе снимать колючки. Спасла девочку зелёная косынка, которую она носила на голове и под которую колючки не попали. Но всё равно немало волос пришлось выбросить вместе в «царскими украшениями».

Так сидели они рядом, снимая друг с друга эти коварные колючие цветочки. Это потом уже все смеялись над рассказом о недолгом царствовании Наташи и о том, какой приставучей может быть «шапка Мономаха».

Листопадничек

Осенью, когда осыпался с деревьев золотой лист, родились у старой зайчихи на болоте три маленьких зайчонка.

Называют охотники осенних зайчат листопадничками. Каждое утро смотрели зайчата, как разгуливают журавли по зелёному болоту, как учатся летать долговязые журавлята.

— Вот бы и мне так полетать, — сказал матери самый маленький зайчонок.

— Не говори глупости! — строго ответила старая зайчиха. — Разве зайцам полагается летать?

Пришла поздняя осень, стало в лесу скучно и холодно. Стали собираться птицы к отлёту в тёплые страны. Кружат над болотом журавли, прощаются на всю зиму с милой зелёной родиной. Слышится зайчатам, будто это с ними прощаются журавли:

— Прощайте, прощайте, бедные листопаднички!

Улетели в далёкие страны крикливые журавли. Залегли в теплых берлогах лежебоки-медведи; свернувшись в клубочки, заснули колючие ежи; спрятались в глубокие норы змеи. Стало ещё скучнее в лесу. Заплакали листопаднички-зайчата:

— Что-то будет с нами? Замёрзнем зимой на болоте.

— Не говорите глупости! — ещё строже сказала зайчиха. — Разве замерзают зайцы зимой? Скоро вырастет на вас густая, тёплая шерстка. Выпадет снег, будет нам в снегу тепло и уютно.

Успокоились зайчата. Только один, самый маленький листопадничек-зайчонок никому покоя не даёт.

— Оставайтесь здесь, — сказал он своим братьям. — А я один побегу за журавлями в тёплые страны.

Бежал, бежал Листопадничек по лесу, прибежал к глухой лесной речке. Видит, бобры строят на речке плотину. Подгрызут острыми зубами толстое дерево, ветер подует, упадёт дерево в воду. Запрудили речку, можно ходить по плотине.

— Скажите, дяденьки, зачем вы валите такие большие деревья? — спрашивает Листопадничек бобров.

— Мы для того валим деревья, говорит старый Бобр, — чтобы заготовить на зиму корм и новую хатку поставить для наших маленьких бобряток.

Вышел Бобр выдур, а сам — в воду. И опять остался Листопадничек с бобрятами в сырой темной хатке.
 Много раз слышал он, как подошла к хатке, прыжком выскочила, катаясь по воде, как бродяга возле хатки злая рысь. Жадная рысь всегда пробовала помять хатку.
 За долгую зиму пробовала помять хатку.
 За долгие зимы большого страха не пережил Листопадничек зайчонок. Часто вспоминал он свое теплое гнездо, старую мать-зайчиху.
 Раз случился на лесной реке большая беда. Ранней весной прорвала вода постройную бобрами большую плотину. Стало заливать хатку.
 — Вставайте! Вставайте! — кричал старый Бобр. — Это выдур испортил нашу плотину.
 Бросились вниз бобрята — бутылки в воду! А вода всё выше и выше. Подкачала зайчонок хвостик.

— А тепло в вашей хатке зимой?

— Очень тепло, — отвечает седой Бобр.

— Пожалуйста, возьмите меня в вашу хатку, — просит маленький зайчонок.

Переглянулись Бобр с Бобрехой и говорят:

— Взять тебя можно. Наши бобрятки будут рады. Только умеешь ли ты плавать и нырять?

— Нет, зайцы плавать не умеют. Но я скоро у вас научусь, буду хорошо плавать и нырять.

— Ладно, — говорит Бобр, — вот наша новая хатка. Она почти готова, осталось только крышу доделать. Прыгай прямо в хатку.

Прыгнул Листопадничек в хатку. А в бобровой хатке два этажа. Внизу, у воды, приготовлен корм бобряткам — мягкие ивовые ветки. Наверху настлано свежее сено. В уголке на сене сладко-сладко спят пушистые бобрятки.

Не успел хорошенько осмотреться зайчонок, как бобры над хаткой крышу поставили. Один бобр обглоданные палки таскает, другой замазывает крышу илом. Толстым хвостом

громко приплёпывает, как штукатур лопаткой. Ходко работают бобры.

Поставили бобры крышу, стало в хатке темно. Вспомнил Листопадничек своё светлое гнездо, старую мать-зайчиху и маленьких братьев.

«Убегу-ка в лес, — думает Листопадничек. — Здесь темно, сыро, можно замерзнуть».

Скоро вернулись бобры в свою хатку. Отряхнулись внизу, обсушились.

— Ну как, — говорят, — как ты себя чувствуешь, зайчонок?

— У вас всё очень хорошо, — говорит Листопадничек. — Но мне нельзя долго здесь оставаться. Мне пора в лес.

— Что делать, — говорит Бобр, — если нужно, ступай. Выход из нашей хатки теперь один — под водою. Если научился хорошо плавать и нырять — пожалуйста.

Сунул Листопадничек лапку в холодную воду:

— Бррр! Ах, какая холодная вода! Уж лучше, пожалуйста, у вас на всю зиму останусь, я не хочу в воду.

— Ладно, оставайся, — говорит Бобр. — Мы очень рады. Будешь у наших бобряткам нянькой, будешь им корм приносить из кладовой. А мы пойдём на реку работать, деревья валить. Мы звери трудолюбивые.

Остался Листопадничек в бобровой хатке. Проснулись бобрятки, пищат, проголодались. Целую охапку ивовых мягких веток притащил для них из кладовой Листопадничек. Очень обрадовались бобрятки, стали глодать ивовые ветки — быстро-быстро. Зубы у бобров острые, только щепки летят. Обглодали, опять пищат, есть просят.

Намучился Листопадничек, таская из кладовой тяжёлые ветки. Поздно вернулись бобры, стали прибирать свою хатку. Любят бобры чистоту и порядок.

— А теперь, — сказали они зайчонку, — пожалуйста, садись с нами кушать.

— Где у вас репка лежит? — спрашивает Листопадничек.

— Нет у нас репки, — отвечают бобры. — Бобры ивовую и осиновую кору кушают.

Отведал зайчонок бобрового кушанья. Горькой показалась ему твёрдая ивовая кора.

«Эх, видно, не видать мне больше сладкой репки!» — подумал листопадничек-зайчонок.

На другой день, когда ушли бобры на работу, запищали бобрята — есть просят.

Побежал Листопадничек в кладовую, а там у норы незнакомый зверь сидит, весь мокрый, в зубах большущая рыбина. Испугался Листопадничек страшного зверя, стал изо всех сил колотить лапками в стену, звать старых бобров.

Услыхали бобры шум, мигом явились. Выгнал старый Бобр из норы незваного гостя.

— Это разбойница выдра, — сказал Бобр, — она нам делает много зла, портит и разоряет наши плотины. Только ты не робей, зайчонок: выдра теперь не скоро покажется в нашей хатке. Я ей хороших тумачков надавал.

Выгнал Бобр выдру, а сам — в воду. И опять остался Листопадничек с бобрятами в сырой тёмной хатке.

Много раз слышал он, как подходила к хатке, приноживаясь, хитрая лисица, как бродила возле хатки злая рысь. Жадная росомаха пробовала ломать хатку. За долгую зиму большого страху натерпелся листопадничек-зайчонок. Часто вспоминал он своё тёплое гнездо, старую мать-зайчиху.

Раз случилась на лесной речке большая беда. Ранней весной прорвала вода построенную бобрами большую плотину. Стало заливать хатку.

— Вставайте! Вставайте! — закричал старый Бобр. — Это выдра испортила нашу плотину.

Бросились вниз бобрята — бултых в воду! А вода всё выше и выше. Подмочила зайчонку хвостик.

— Плыви, зайчонок! — говорит старый Бобр. — Плыви, спасайся, а то пропадёшь!

У Листопадничка со страху хвостик дрожит. Очень боится холодной воды робкий зайчонок.

— Ну что с тобой делать? — сказал старый Бобр. — Сядь на мой хвост да держись крепче. Я научу тебя плавать и нырять.

Уселся зайчонок на широкий бобровый хвост, крепко лапками держится. Нырнул Бобр в воду, хвостом вильнул, — не удержался, как пуля вылетел Листопадничек из воды. Волей-неволей пришлось к берегу плыть самому. Вышел на берег, фыркнул, встряхнулся и — со всех ног на родное болото.

А старая зайчиха с зайчатами спала в своём гнезде.

Обрадовался Листопадничек, прижался к матери.

Не узнала зайчиха своего зайчонка:

— Ай, ай, кто это?

— Это я, — сказал Листопадничек. — Я из воды. Мне холодно, я очень озяб.

Обнюхала, облизала Листопадничка зайчиха, положила спать в тёплое гнездо. Крепко-крепко заснул возле матери в родном гнезде Листопадничек. Утром собрались слушать Листопадничка зайцы со всего болота.

Рассказал он братьям и сёстрам, как бегал за журавлями в тёплые страны, как жил у бобров, как научил его старый Бобр плавать и нырять. С тех пор по всему лесу прослыл Листопадничек самым храбрым и отчаянным зайцем.

— Плыви, зайчонок! — говорит старый Бобр. — Плыви, спасайся, а то пропадёшь!

У Листопадничка со страху хвостик дрожит. Очень боится холодной воды робкий зайчонок.

— Ну что с тобой делать? — сказал старый Бобр. — Сядь на мой хвост да держись крепче. Я научу тебя плавать и нырять.

Уселся зайчонок на широкий бобровый хвост, крепко лапками держится. Нырнул Бобр в воду, хвостом вильнул, — не удержался, как пуля вылетел Листопадничек из воды. Волей-неволей пришлось к берегу плыть самому. Вышел на берег, фыркнул, встряхнулся и — со всех ног на родное болото.

Тогда, после войны

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

У моего соседа по парте отец работал гардеробщиком в Третьяковской галерее. У него не было руки: таким вернулся с войны. Но он ловко справлялся с одеждой. У него даже получалось быстрее, чем у его соседей-старушек. Мы раздевались всегда у него. Николай Иванович с каждым всегда здоровался, называя по имени. Это нам особенно нравилось.

Тогда, после войны, в Третьяковку мы ходили чуть ли не каждый месяц: она была недалеко от школы. Водила нас туда наш классный руководитель, учительница по литературе.

Но однажды я отправился в галерею один. Дело в том, что после последнего коллективного посещения у меня в памяти осталась одна картина. Почему-то хотелось увидеть её ещё раз. И разглядеть получше.

Выслушав меня, Николай Иванович удивился:

— Как же ты найдёшь эту картину, если не знаешь ни художника, ни как она называется? Это ты до вечера будешь бродить... Ты знаешь, сколько у нас картин?

Тут мимо проходил какой-то старичок, аккуратный такой, в чёрном костюме, при галстуке.

— Пётр Алексеевич, — обратился к нему Николай Иванович. — Вы нам не поможете? К нам вот мой знакомый пожаловал. Одна наша картина ему очень понравилась. А где висит — не знает. Толкует про какую-то девчонку в белой рубашке, которая со стола берёт яблоко, и большую рыжую собаку...

Старичок удивлённо, поверх очков посмотрел на меня:

— Вы специально пришли, чтобы увидеть эту картину? Я вас правильно понял, молодой человек?

Я кивнул.

— И чем же она вас так привлекла, позвольте полюбопытствовать?

Я густо покраснел, не зная, что ответить. Старичок улыбнулся:

— По всей видимости, вы имеете в виду работу Константина Маковского.

Называется она «В мастерской художника». Только должен вам заметить, на картине изображена не девочка, а мальчик, сын художника. Своё любопытство вы сможете удовлетворить в зале номер пятнадцать. Всего доброго!

И, раскланявшись с нами, старичок поспешил по своим делам.

— Во человек! — с восхищением протянул Николай Иванович. — Все картины в голове держит. И о каждом художнике может целую лекцию прочитать!

Николай Иванович попросил свою соседку по гардеробу присмотреть за его отсеком и пошёл меня проводить.

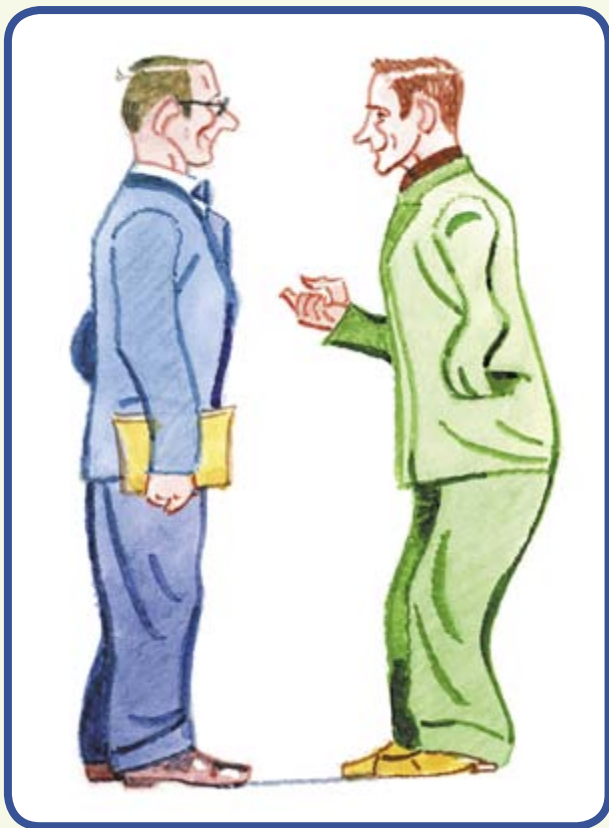
— И чем она тебе так приглянулась? Подумаешь, мастерская художника! — говорил он на ходу. — Ту вон посмотри: «Три богатыря». Вот это картина! Есть на кого посмотреть! Или вот: море! Смотрительница говорит, что в этом зале всегда прохладно! Как будто на берегу сидишь, и ветерком тебя обдувает!

Но я, не обращая внимания ни на богатырей, ни на море, спешил к той картине.

И вот я сижу перед ней. Теперь картину разглядываю не спеша.

Прямо передо мной — собака. Она лежит на ковре. Дремлет на солнышке. На стуле — действительно мальчик в бе-

лой рубашке. Рубашка длинная. Из-за неё я и принял его за девочку. На столе — ваза с фруктами. Какое-то древнее оружие прислонено к столу...

Вдруг кто-то остановился рядом. Это был тот же старичок в тёмном костюме.

— Но всё-таки, молодой человек, не потрудитесь ли вы мне объяснить, чем вас так привлекло сие полотно?

Но я только краснел и отводил глаза в сторону. Мне, сидящему на бархатной скамеечке, среди картин с позолоченными рамами, было стыдно. И за то, что я ничего толкового не мог сказать, и за свою выцветшую рубашку, и за обтрё-

панные штаны, а главное — за ботинки, до того разбитые футболом, в который мы гоняли целыми днями, что я невольно поджал ноги, пытаясь спрятать их под скамейкой.

Старичок сел рядом со мной. И неожиданно обнял меня. Ну, не обнял, а просто положил руку мне на плечо.

— Я, кажется, понял, чем затронул этот художник... — медленно и тихо заговорил старичок. — Что вы видите вокруг себя? Что вы видите у себя дома? Ничего, кроме затёртой клеёнки на столе да блёклой, побитой посуды на кухонной полке... А здесь!

Старичок живо встал, подошёл к картине.

— Какое пиршество красок! Как сверкает это блюдо, как благородно светится старинный серебряный кубок! А эти золотисто-зелёные тона, а пурпурная драпировка! А этот счастливый мальчик, заглянувший утром в мастерскую своего любимого папы! Картина излучает свет, радость жизни! В ней есть всё то, чего нам всем так не хватает сейчас, после этой страшной войны. И вы, мой юный друг, это поняли, вернее, почувствовали! А ведь именно в этом — искусство подлинного художника. В передаче своего чувства зрителю! Но, кажется, я увлёкся... Извините, не буду вам мешать. Хотя, признаюсь, беседовать с вами мне было чрезвычайно интересно.

...С того памятного для меня визита в Третьяковскую галерею прошло более полувека. Но и сейчас, придя сюда, я первым делом спешу к ней — к моей любимой картине. Сажусь на бархатную скамеечку — и замираю...

Художник С. Крестовский

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

«Бить в набат»

В переводе с арабского «набат» означает «барабанный бой». В древнерусском войске набатами называли барабаны, сделанные из меди, в которые били при объявлении тревоги. Позже этим словом стали называть также прерывистый колокольный звон, оповещающий об опасностях. В наши дни выражение «бить в набат» значит «поднимать тревогу», несмотря на то, что во время наводнений, пожаров и других чрезвычайных ситуаций в колокола уже давно никто не звонит.

Сказка о скрипке

Старой скрипке в воскресенье исполнилось двести лет. Уходить на пенсию ей не хотелось. Скрипка мечтала и дальше служить музыке. Она хорошо себя чувствовала и выглядела отлично. Все струны были на месте. После торжественного юбилея скрипка немного отдохнула. А потом... Ей предложили поселиться в музее.

— А как же музыка? — упавшим голосом спросила скрипка.

— Ты слишком старая, — затрещала электрическая гитара. — Гастроли, концерты... Даже мне тягостно бывает. Струны дребезжат, искры вылетают! Зачем тебе такая жизнь?

— Ради искусства я пойду на всё! — решительно заявила скрипка.

— А где теперь живёт искусство? — с грустью проговорил саксофон. — Сразу и не найдёшь.

— Я поищу! — рассердилась скрипка. — Для искусства трудиться нужно и светлую душу иметь!

— Смотри не засохни в поисках! — насмешливо протянула гитара. — А я бы с самого рождения в музее осталась, — зазвенев струнами, добавила она. — Какая судьба прекрасная: ничего не делаешь, а на тебя все любят!

— Прожить свой век и ничего доброго не сотворить? — ужаснулась скрипка. — Я была бы очень несчастна...

Вскоре скрипка устроилась в большой оркестр и поехала с ним на гастроли. На концертах собирались играть музыку, знакомую скрипке с детства. Поскольку время сохраняет только самое лучшее, то волноваться за репертуар скрипке не приходилось. Её тревожило отношение к музыке, принятое в оркестре. Репетировали мало, ссорились много, наспех перелистывая ноты. Зато потом все дружно расходились по магазинам. А бедная скрипка оставалась в своём футляре и думала, как ей найти дорогу в искусство...

Концерты не порадовали скрипку. Оркестр фальшивил, и скрипка боялась

потерять свой чистый голос. Она с трудом дождалась окончания гастролей. А на обратном пути ей в футляр засунули неожиданную соседку с толстой фигурой. Элегантный французский футляр тут же пропах чесноком. У скрипки от огорчения едва не порвались струны.

— Что же это такое? — прошептала скрипка.

— Это я — чесночная колбаса, — представилась соседка. — Вместе с тобой поедем через границу.

— Вы что-то перепутали, — срывающимся голосом возразила скрипка. — У меня отдельный футляр, чтобы я сохранилась могла для искусства.

— А колбаса важнее искусства! — пробасила чесночная соседка. — Подвинься! Ишь, фигуристая какая! Даже талия есть! — удивилась колбаса, разглядывая скрипку. — А я всегда толстая, — завистливо выдохнула колбаса.

— Уходите! — заплакала скрипка. — Я пожалуюсь дирижёру!

— Так он же меня и спрятал сюда! — расхохоталась колбаса. — Я очень дорогая! Мою персону беречь надо!..

Потрясённая, скрипка потеряла голос и пришла в себя только в больнице. Из оркестра она уволилась, но как жить дальше, скрипка не знала.

В больнице её навестил саксофон.

— Я тебе ноты принес для поправки здоровья, — дружелюбно прогудел саксофон, поблёскивая своей широкой медной трубой. — Музыка Чайковского, Моцарта, Дворжака...

— Колбаса важнее искусства, — прохрипела скрипка.

— Да у тебя бред начался! — переполошился саксофон. — Надо скрипичного мастера позвать! Ты что говоришь? Опомнись!

— Думаешь, это неправильно? — с надеждой спросила скрипка.

— Ты и сама знаешь, — серьёзно ответил сияющий саксофон. — Колбаса, даже самая дорогая, всегда имеет свою цену. А искусство — бесценно, волшебнo!..

— Что же мне делать? — пробормотала скрипка.

— Работать! — протрубил саксофон. — Я хороший оркестр нашёл. Тебя с удовольствием примут. На руках носить будут!

— Посмотрим, — вздохнула скрипка.

Она заставила себя выздороветь. В хорoшем оркестре всем понравился голос скрипки.

— Только учтите, — сказала скрипка главному дирижёру, — я с колбасой путешествовать не буду!

— И не нужно, — ответил он. — Возьмите в попутчицы Музыку. Согласны?..

Курсанов сидел в кустах, но всё, что не надо, видел.

Армия полностью состояла из недобитых офицеров и казаков.

Мне нравится то, что с таким талантом Пушкин не побоялся стать народным поэтом. Троекуров был хотя не глуп, но немало с приветом.

Когда бомбы стали разрываться в туше солдат, Пьеру неожиданно открылся внутренний мир простых русских людей.

Чацкий был очень умный, а от ума всё горе.

У Наташи Ростово́й с Андреем Болконским был роман — «Война и мир».

О & Ашишки

Дорогие ребята! Представляем вашему вниманию творчество учеников 7 класса школы № 2 города Сертолово Ленинградской области Всеволожского района. Педагог Майя Владимировна Булка.

Джалилова Джамила, 11 лет

Петербург

О, Петербург! Как город наш прекрасен!
Соборы, Эрмитаж и Летний сад...
Твой облик, как фонтан, — так сказочен и ясен!
Чудесны фонари, что вечером горят,

Затейливый узор на каменных оградах
Пленяет нас своею красотой.
Нева неспешно в вечность уплывает,
Сверкая серебристою волной...

И в памяти с тобой стоят незримо
Те, кто блокадный город защищал.
Пока ты жив — и мы непобедимы!
Пока ты помнишь — помнит стар и мал.

Поляков Алексей, 13 лет

* * *

Лес был так волшебен в то зимнее утро,
Он был необычным и красочно-мудрым —
Деревья сверкали, горели, пылали,
Под солнечным светом они танцевали!

Качнули тяжёлые головы сосны
И снежные шапки вокруг разбросали,
Они обнажили тяжёлые космы,
Каких с декабря мы с тобой не видали...

Журчит ручеёк подо льдом ещё толстым.
Но мы-то все знаем: сломать его просто!
А солнце поможет ему с этим делом:
Посмотрит на лёд — и смягчит его тело.

Течёт всё везде, всё журчит, просыпается,
А в лес повернёшь — и картина меняется...
И ты понимаешь: проснулся зимою,
Но дышишь сегодня ты только весною!

Жукова Мария, 13 лет

Учителям...

Вот прозвенел звонок весёлый,
Вошли ребята в светлый класс.
Знакомство первое со школой
Осталось в памяти у нас...

Похожи годы на столетья,
И в новый мир открыта дверь —
Со стороны бы посмотреть бы,
Какими стали мы теперь.

Науки нам уже доступны,
Терпенья всем не занимать,
И лишь хорошие поступки
Нас с детства учат совершать.

Учителя, учителя!
Вы помогали нам так часто,
От ссор и бед всех нас храня
И разделяя с нами счастье.

Удачи, радости, успех,
Победы, горечь поражения...
Вы подбодрить сумели всех —
Мы шли на новые свершенья.

Учителя! Благодарю
За доброту, любовь и ласку.
За то, что в школе жизнь мою
Похожей сделали на сказку!

Жукова Варвара, 9 лет

Осенний вечер в горах

Осенний вечер в горах.
Тучи собираются,
Рыба на дровах жарится,
И идёт дымок
В родимый домишко.
И журчит воды поток,
И рычит бурый мишка.

Ганусова Полина, 13 лет

На язык хвостун богат

Однажды Стёпа, во дворе играя,
Увидел там большую кучу дров.
Сказал ребятам Стёпа: — Без труда я
Их все переколоть готов!
Я в этом знаю толк, —
Похвастал и примолк.
Но раззадорил он друзей,
И те, чтоб было поскорей,
Из кучи выбрав чурки, пни,
Кричат ему: — Давай, коли,
Коль можешь это делать ловко!
Ну, прояви свою сноровку!
Пока Степаша не боится,
А очень даже веселится:
Быстро он берёт топор
И глядит на пень в упор,
Думает: — Сейчас с налёта
Расколю его в два счёта!

Тут мальчонка размахнулся,
Раз, два, три — и промахнулся...
Снова поднял Стёпа руки,
Сильный взмах — застрял топор!
Вытаскивать топор — искусство.
Всем — смешно, а Стёпе — грустно.

Пот струится градом с парня.
Может, это всё случайно?
— Ну-ка, я поднапрягусь,
Сам себе я помогу,
Соберу свои силёнки...
Раз! — и падает шапчонка.
Вновь попытка. И топор,
Расшатавшись (что за вздор?),
Вверх летит — и прямо в бровь,
Потекла из носа кровь...

Кто жалеть Степана станет?
Так и надо хвастуну!
Он не знает, что сказать,
Стёпе нужно подсказать:
Чтоб умением хвалиться,
Надо прежде подучиться.
Ведь в народе говорят:
— На язык хвастун богат!

Никитина Алиса, 13 лет

Край родной

Строки будут о крае моём,
Таком живописном и очень родном.
Он над заливом бабочкой порхает,
Много событий истории знает:

Область была Петербургской сначала,
Затем Петроградской она стала,
А нынче её Ленинградской зовём,
Здесь в мире природы мы дружно живём.

В ней голубые родные просторы —
Быстрые реки, большие озёра,
А в Саблино — чудо: какой водопад!
Туристам и местным он радует взгляд.

Живописны парки, таинственны леса,
О Монрепо! «Мой покой» и краса!

И болота наши достойны похвал:
Они в экологии очень важны,
Реки питают, зверям помогают,
Там клюкву, бруснику все собирают...

На просторах в согласии звери живут,
В небесах здесь птицы свободно парят,
По тропинкам хитрые лисы бегут,
А аисты в строгом молчанье стоят.

Строки были о крае моём,
Таком живописном и очень родном.
Мне хочется здесь всегда оставаться,
А уезжая, опять возвращаться!

Калоша Екатерина, 13 лет

Счастье

Быть счастливым очень просто,
Стоит только захотеть.
Это ведь совсем несложно:
В небо синее смотреть,
Слушать трели соловья,
Аромат цветов вдыхать,
Маму с папой обнимать...
Нужно просто быть терпимым,
Ласковым и добрым быть.
Счастье — это просто жить!

Терещенко Григорий, 13 лет

* * *

Копошился кот в гнезде.
Я спросил: — Совята где?.. —
Кот м-мурлычет на плетне:
— В корм-м пошли совята м-мне,
Потому что никто не успел научить
Вкусных крошек, с кем надо дружить...

Хамищева Оксана, выпускница 2012 г.

Русская речь

Русская речь!.. Это — в голосе дрожь,
Это — тоска по родимому отчужденному дому,
Это — смятенные души, что запутались в думках:
Не расплескать бы, как горькое жизни вино!

Русская речь — это деревья стон,
Пробуждённый бродящими вешними соками,
Это — уставшие птицы, что ранней весной
К нам прилетают из дальних, из южных краёв...

Русская речь! Ветра вздох над рекой
И — дыханье полей отдохнувших,
Это — рассеянный всплеск сизоватого марева,
Вместе с туманом встающий над пашней
засеянной.

Русская речь — это говор того ручейка,
Что, торопливо, обласканный солнцем лучами,
Зёрна в земле своей влагою впрок напитал,
С ласковой негой реку в объятьях умчал...

Это — и гроздь рябины, что шепчутся в полночь,
Бьются в окошко, уснуть до утра не дают...
Русская речь, сохрани себя! Бог тебе в помощь,
Русское слово! Отечество! Родина! Русь!

1

2

Наш ВЕРНИСАЖ

ЮРЧЕНКО КСЕНИЯ,

8 лет, г. Торжок.

1. «Заяц», 2. «Морское дно»,
3. «Рыбка», 4. «Пингвины»

3

4

Ашишки

«В детской книге иллюстратор всегда соавтор. Ольга Ионайтис — художник, который, с одной стороны, досконально понимает авторский текст, а с другой — замечательно чувствует маленького читателя-зрителя. Поэтому её иллюстрации — это и развитие авторского замысла, и вместе с тем весёлая и увлекательная игра с ребёнком».

Ирина Токмакова

Ольга Ионайтис. Иллюстрация к сказке «Золушка»

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК
 СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
 Сказка о скрипке

РАССКАЗЫ:
 Царица

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
 Бить в набат